

А З Б У К А

ПУЛЬСАЦИИ

Манон
Стеффан Рос

**СИНЯЯ
КНИГА
НЭБО**

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Р 74

Manon Steffan Ros
THE BLUE BOOK OF NEBO

Copyright © Manon Steffan Ros, 2021

This edition is published by arrangement with Sterling Lord
Literistic, Inc. and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Натальи Власовой
Оформление обложки Владимира Гусакова

*В книге имеются упоминания
социальной сети Facebook («Фейсбук»).*

*Деятельность американской транснациональной
холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации
продуктов — социальных сетей Facebook и Instagram
запрещена на территории Российской Федерации.*

- © Н. Н. Власова, перевод
послесловие, 2025
- © Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-26725-1

*Посвящается моему другу Алану Джонсу,
который подарил мне веру
в собственный голос*

Дилан

Мама сказала, что мне лучше бы писать дневник. Якобы она не может и дальше заниматься моим обучением, но мне кажется, у нее просто кончились силы. Не знаю, какой вариант верный и есть ли разница.

Раньше она каждое утро сидела со мной по часу, пока Мона не просыпалась. Мы занимались арифметикой и чтением, но не так, как в школе. Никаких тебе графиков, таблиц умножения и всякого такого. Она заставляла меня читать книги, а потом писать по ним сочинения и делала пометки красной ручкой, если я допускал орфографические ошибки или писал какую-то несусветную чушь. Потом мы уделяли немного времени сложению и вычитанию. Правда, на этом математика для меня и закончилась. Мама забеспокоилась. В том числе из-за шариковых ручек. Потому что мы не хотели все их исписать.

— Мне больше нечему тебя учить, Дилан, — сказала она вчера после того, как просмотрела мое сочинение, написанное после прочтения романтической повести о муж-

чине и женщине, которые познакомились в поезде. Думаю, в ней что-то екнуло. — Нет смысла продолжать в том же духе.

Она добавила, что не станет приставать ко мне с учебой, пока я пишу дневник по часу в день.

Эту записную книжку мама нашла в одном из домов, куда мы влезли, в Нэбо. Она лежала в выдвижном ящике маленького стола в чьей-то гостиной. Обычно мы берем только что-то важное. Спички или крысиный яд. Ну или книги. Мама повертела записную книжку в руках, а потом сунула в сумку.

— Вот, возьми, — сказала она, когда мы уже добрались до дома, — напишешь свою собственную историю.

— «Синяя книга Нэбо», — улыбнулся я, забрав у нее записную книжку. Страницы были чистыми и широкими, как новый день.

— Мм? — не поняла мама.

— Ну, как «Черная книга Кармартена» или «Красная книга Хергеста». Так делали в старину, записывали. Я читал об этом в одном издании по истории Уэльса. Это важные книги, в которых рассказывалось о прошлом нашего народа. Но сейчас это тоже часть истории, так ведь?

Обложка моей будущей книги была прекрасного насыщенного темно-синего, почти черного цвета. Библейский черный, сказал

бы Дилан Томас¹. Но вы можете определить, что перед вами Библия, даже не глядя на название на корешке. Вы просто знаете. Моя книга не похожа на какую-то особо важную, однако ведь все книги — лишь слова, нанизанные друг на дружку.

После этого я положил записную книжку на верхнюю полку, чтобы Мона не достала, и пошел в пристройку — устранить течь в углу. Вы даже не представляете, сколько воды может просочиться через такую крошечную дырочку. Мне понадобился лишь малюсенький комочек пластилина и кусочек брезента площадью всего два квадратных дюйма. Я заколотил один-единственный гвоздь, потому что их осталось немного. Пока и так сойдет.

Мона расплакалась, и мама пошла к ней, чтобы взять из кровати.

С пристройки открывается потрясающий вид на Карнарвон, на башни замка, торчащие, как неровные зубы, а за ними — море и Англси. Я не помню, чтобы когда-либо ездил на Англси, но мама утверждает, будто в детстве я бывал в тех краях кучу раз. По ее словам, там много где можно было прогуляться и там полно симпатичных пляжей, по-

¹ Дилан Томас (1914–1953) — валлийский поэт и писатель. — *Здесь и далее примеч. перев.*

тому что Англси — это остров. Я размышлял об этом вчера, когда сидел на крыше и смотрел вдаль на море и на остров, который отсюда кажется слишком большим для острова. Между нами и морем — деревья, поля и незнакомые мне места. Вчера было холодно, так холодно, что из моего рта шел пар, как от снега в кастрюле. А я сидел и думал обо всех этих людях, которые в былые времена — бедняжки! — ездили на пляжи на своих машинах и сидели там целыми днями, ничего не делая. Они могли помочить ноги в воде, потом немного поплескаться, а затем устроить пикник. Я стараюсь не думать об этих людях слишком часто.

Потом я услышал, как выходит мама с Моной в перевязи-слинге на груди, и спустился по лестнице. У меня слишком много дел, чтобы тратить время на размышления об Англси и о том, что было раньше.

* * *

Наш дом в мертвой зоне. То есть это центр небытия, куда никто никогда не заглядывает. Ну, то есть почти никто. В былые времена одна пожилая пара занимала дом под названием Саннингдейл всего в семидесяти восьми шагах от нашего жилища. Но они уехали вскоре после Конца, как и все остальные.

Как-то раз, заглянув в окна их особняка, я спросил у мамы, что значит «Саннингдейл».

— Ничего. Просто слово, — ответила она. Я тогда подумал: все слова что-то да значат, иначе зачем они нужны, но вряд ли мама хотела это обсуждать. Ее голос был усталым и мягким, словно подушка. — Не подходи к этому дому. Он не наш.

Мне кажется, я помню мистера и миссис Торп, но я не уверен. Он высокий седой старик в очках, от которых постоянно отражается свет, поэтому глаза невозможно разглядеть. Она маленькая и сухонькая, всегда смотрит на собеседника в упор. Саннингдейл остался точно таким же, как в день их отъезда, правда я кое-что посадил у них в саду и срубил пару деревьев на дрова. Мне хотелось зайти внутрь, но мама запретила. Почему-то она с особым трепетом относится к этому дому и чете Торп.

Но правда в том, что они, скорее всего, никогда не вернутся. Наши соседи были уже старые, достаточно старые, чтобы перестать работать. Они занимались всякой ерундой, например играли в гольф и выращивали на кухонном окне крохотные деревца, которые называются бонсай. Наверное, мистер и миссис Торп уехали к родным. И сейчас где-то вместе со своей семьей. Может быть, в Англии.

Сегодня я срезал сучья в их саду, чтобы высушить и использовать для растопки. Мама стояла внизу, а Мона, болтавшаяся в слинге на груди, что-то лепетала. Мама связывала сучья, которые я скидывал на землю, — так их было легче тащить домой. Мне проще лазить по деревьям и по крышам и всякое такое, потому что мама прихрамывает, когда ходит, — у нее болит нога. Но мама все равно забиралась со мной на крышу, когда солнечно или светят звезды.

Занавески в крошечный розовый цветок, кровать аккуратно застелена, покрывало расправлено так, что нет ни складочки. Белый шкаф. По обе стороны кровати маленькие белые тумбочки, на которых высятся аккуратные стопки книг.

— Давай, Дил. Дождь начинается! — Мама ждала сучья внизу.

Я спилил еще один, бросил вниз и сказал:

— У них тут полно книг.

Мама ничего не ответила.

— А еще одеяла. Мне кажется, пуховые. И две подушки. — Я медленно и степенно пилил очередную ветку.

— К нам это не имеет никакого отношения, — твердо заявила мама.

Я понял, что мне пора заткнуться. Мама не из тех, кто спорит, она просто закрывается, как дверь или книга. Ей кажется, что влезть

в Саннингдейл — это не то же самое, что влезать в другие дома в Нэбо, но я не знаю почему.

Сегодня ей исполнилось тридцать шесть.

У нас остался старый календарь за 2018-й — год, когда наступил Конец. Мы не уверены, что сейчас именно это число, поскольку в самом начале, пока нам было плохо, время путалось: могло пройти три дня, а могло и две недели. Но это не важно. Мы примерно догадываемся, какое сейчас число. Мама не хочет отмечать, но лично для меня это настоящий праздник. Целых тридцать шесть лет жизни! И четырнадцать из них я рядом с ней. А она рядом со мной.

— Ты провела со мной почти половину жизни, — сказал я, сбрасывая ей ветку.

Она замерла и посмотрела на меня сквозь листья, запрокинув голову. Ее волосы намокли, она застегнула молнию дождевика до самого верха, чтобы спрятать Мону. Мне была видна только синяя шерстяная шапочка младшей сестренки.

Порой мне кажется, что человек просто не может быть одновременно таким красивым и уродливым, как моя мама.

Знаю, ужасно говорить подобное. Мама ненавидит, когда я называю кого-то уродливым, даже вымышленных персонажей, и мне этого не понять. Пока меня никто не слышит, что тут плохого? Но мама утверждает: те, кто ви-

дит уродство снаружи, уродлив внутри. Наверное, я внутри просто чудовище, поскольку порой думаю, будто мама действительно очень уродлива.

Смотреть мне особо не на кого, так что я, пожалуй, не в состоянии судить, кто страшен, а кто красив, но я ведь помню Конец. Мне было шесть лет, а шесть лет — достаточный срок, чтобы накопить воспоминания. По-моему, я помню таких женщин, какими их рисуют на обложках книг: пухлые розовые губы, нежная кремовая кожа, шелковистые волосы без колтунов. Мама выглядит не так. У нее худое вытянутое лицо, огромные глаза, маленький рот и слишком длинный для ее лица нос. Ее тело высокое и сильное, без жиринки — только мышцы, никаких мягких округлостей. До того как наступил Конец, она коротко стриглась и красилась в блондинку, но теперь подстричься — это целое мероприятие, поэтому волосы просто растут, словно терновник, густые, как собачья шерсть, черные, как мир по ночам, с тоненькими седыми прóволочками, мелькающими тут и там.

Не думаю, что я похож на нее. Я вообще ни на кого не похож.

Мама очень долго смотрела на меня. На миг мне показалось, что она вот-вот позволит мне влезть в дом мистера и миссис Торп, но в итоге мама просто отвернулась. Мона о чем-

то щебетала сама с собой под маминым дождевиком, я не видел сестренку, но слышал ее голосок; бестелесный набор ничего не значащих словечек. Иногда маленькая ручка тянулась к маминому лицу.

Сегодня вечером я собираюсь на охоту. Попытаюсь поймать кролика или одичавшего кота, чтоб мама поела мяса на день рождения. Я уже расставил ловушки на картофельном поле. У нее будет замечательный день рождения.

* * *

Вчера я поймал крольчиху. Она трепыхалась в капкане, и я быстро прикончил ее перочинным ножом и слил кровь в бутылку. Мама готовит из этой крови соус к картофелю, чтобы придать нам сил. Иногда ей приходится пить кровь животных, если Мона постоянно требует молока, поскольку женщине нужны силы, чтобы производить молоко. Порой она выпивает половину чашки, и ее тут же выворачивает. Мама говорит, что какой бы холодной ни была кровь, ей она всегда кажется теплой и вызывает тошноту.

Я освежевал крольчиху и принес домой со словами: «С днем рождения, мама!» Утром я нашел открытку и поставил ее на камин. На ней была гоночная машина и надпись: «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ! УЖЕ ШЕСТЬ

ЛЕТ!» — но какая разница? Это была наша единственная открытка. Вообще-то, у меня их было тринадцать, но мы решили сжечь остальные после Конца, потому что тогда ничего не умели, даже сухих дров на зиму не запасли.

— Спасибо, милый, — улыбнулась мама.

Мона играла на полу с игрушечной змеей, которую мама сделала из старого носка. Я положил тушку в котелок и поставил на огонь.

— Снял шкурку?

— Ага. Сушится в сарае!

Мама кивнула.

Я не помню ее дни рождения. То есть, разумеется, я помню последние дни рождения, но не те, что были до Конца. Зато я помню свои. Торты со свечками, подарки в блестящей бумаге. А еще имена других детей, хотя не помню, как они двигались и смеялись или их голоса.

Фредди.

Дэви.

Нед.

Элла.

Джеймс.

Оливер.

Гарри.

Эндаф.

Бетти.

Свен.

Элоиз.

Наверное, был кто-то еще, но я не помню. Я пытался воспроизводить их в памяти снова и снова, но чем больше старался, тем меньше помнил. Это все равно что пытаться вспомнить свой сон.

Мы ели кролика с каштанами. Было вкусно. Половину оставили на завтра. Вы даже не представляете, сколько мяса в одном кролике.

Сегодня, уложив Мону спать, мы сидели на крыше пристройки, поскольку было ясно.

— Тебе нравится писать, — сказала мама, и я не понял, утверждение это или вопрос.

— Ага, но мне кажется, надо написать о Конце, иначе это не имеет смысла. А я о нем ничего особо не знаю.

Мама кивнула:

— Ты был совсем крошкой. Это случилось так давно...

— Ты должна писать, мам. В этой же книге. Просто расскажи, что случилось.

— В школе у меня были двойки за сочинения.

— С тех пор ты прочла тысячи книг. Теперь ты справишься.

Так мы и условились, что будем вместе писать «Синюю книгу Нэбо». Мама будет писать о былых временах и Конце, а я буду писать о настоящем, о том, как мы живем. Мы договорились не читать записи друг друга, разве

что в особом случае. Какой случай можно считать особым, я не совсем понял.

— Если с одним из нас что-то произойдет, — пояснила мама, еле слышно вздохнув. Я не ответил, поскольку ответа и не требовалось. Все и так было ясно. Мы какое-то время сидели молча.

— Как бы я сейчас хотела покурить, — сказала мама.

Она иногда так говорит по вечерам. Курение было распространено в былые времена; это когда люди поджигали маленькую палочку и совали ее в рот, а потом заглатывали дым. Я не особо помню сам процесс, только запах. Сначала теплый, густой и даже приятный, а через несколько часов тяжелый и кислый.

— Ты бы *это* хотела в качестве подарка на день рождения? Если бы могла получить что угодно?

Мама посмотрела в сторону Англси и задумалась. От нее пахло улицей.

— Ничего, — ответила она через некоторое время. — Я не хочу ничего.

Звучит классно, но я понимал, что это ложь. Всем чего-то хочется.

— Все, что угодно, мам. Даже из былых времен.

Мама вздохнула:

— Ладно. Я бы хотела «Баунти».

— Что?

— «Баунти». Это шоколадный батончик, Дил. — Разумеется, я помнил шоколад, но не такой. Я помнил «Дэйри Милк», «Пингвин», «Милкибар» и «Фреддо». — Внутри были кусочки кокоса. В сахарном сиропе. Я всегда сначала съедала глазурь, а потом уже начинку. Батончики с молочным шоколадом выпускали в голубой обертке, а с темным — в бордовой.

— Кокосы похожи на каштаны?

— Не-е-е. Они сладкие, с кучей крошечных волокон, как бы слипшихся вместе.

Я пожалел, что задал этот вопрос, поскольку всякий раз, когда мы говорили о былых временах, мама становилась молчаливой, и это не то молчание, какое наступает, когда человек занят каким-то делом, — это молчание, когда не найти подходящих слов.

— Я ведь никогда особо и не задумывалась, понимаешь, — сказала она через некоторое время. — И никто не задумывался. Просто идешь в супермаркет или в магазинчик при автозаправке и, если взгляд падает на шоколадный батончик или упаковку чипсов, берешь их и покупаешь. — Она покачала головой. — Даже если не голоден!

— Но зачем?

— Не помню, — ответила мама. Она снова немного помолчала, а потом добавила: — Просто потому что можешь.

Ровенна

~~Я не знаю, как начать, поэтому, может быть~~

~~Я не привыкла писать. Много лет этого не делала, со школы. Но я склоняюсь к мысли, что~~

~~Сегодня такая темень, и я даже думаю, что~~

Я начинала несколько раз, но ничего не получалось. Когда я перечитываю записи, кажется, что все это неправда. Как будто случилось с кем-то другим, в мире, которого никогда на самом деле не существовало. После Конца прошло столько зим, и мне страшно, что если я не запишу все сейчас, то уже никогда этого не сделаю.

Все произошло так быстро. Я про Конец. Если вы ищете ответы на вопросы, хочу сразу предупредить: я не знаю, что произошло. Ну, то есть знаю, но лишь в общих чертах.

Дилан был в школе, а я на работе. Я работала в парикмахерской, в основном стригла детей и старушек. Те, кто не попадал в эти две возрастные категории, как правило, ездил

Рос М. С.

Р 74 Синяя книга Нэбо : роман / Манон Стеффан Рос ; пер. с англ. Н. Власовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 160 с.

ISBN 978-5-389-26725-1

Ровенна, Дилан и Мона — и больше никого в целом свете. Теперь они живут близ Нэбо, небольшой деревеньки посреди уничтоженной Концом цивилизации. Дилану четырнадцать, он любит читать и выращивать овощи, Мона — еще совсем малышка, она едва научилась ходить, а Ровенна — обычная женщина, вынужденная выживать с двумя детьми на руках. Время от времени она вспоминает, как в прошлой жизни работала в парикмахерской и ходила в супермаркет, а сейчас Ровенна возделывает землю, ловит диких зверей в силки и мечтает о баунти, вкус которого никак не может забыть.

В одном из заброшенных домов неподалеку мама и сын находят записную книжку и решают, что будут вести дневник — по очереди, не читая написанное друг другом. Вести Синюю книгу Нэбо. Вдруг кто-нибудь однажды прочтет ее — и ему станет легче.

Может быть, вы?

«Синяя книга Нэбо» — это не просто руководство по выживанию в необратимо изменившемся мире в духе «Дороги» Кормака Маккарти, а еще и трогательная история нежных взаимоотношений матери и сына, которые остались одни друг у друга.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

МАНОН СТЕФФАН РОС СИНЯЯ КНИГА НЭБО

Руководитель редакции Анастасия Бутина
Редактор Анна Гулявцева
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Валентин Бердник
Компьютерная верстка Валентина Бердника
Корректоры Нина Писковитина, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.05.2025.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 7,04. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» — обладатель
товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, г. Санкт-Петербург,
ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А,
Тел. (812) 327-04-55,
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А,
Тел. (812) 327-04-55,
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басп шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

C-PLM-35722-01-R